

DOI 10.15826/qr.2020.1.449
УДК 821.161.1(076.6)+37.016:82

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ХРЕСТОМАТИЯХ 1843–1904 ГОДОВ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН***

Алексей Вдовин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE
IN READING ANTHOLOGIES (1843–1904)
AND THE LITERARY CANON****

Alexey Vdovin

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article studies the quantitative and qualitative status and cultural functions of modern literature in 46 Russian reading anthologies designed for two major types of high schools (“gymnasia” and “nonclassical secondary schools”) from 1843 to 1904. Such analysis is relevant due to an outdated understanding of the importance of Minister Dmitrii Tolstoy’s conservative reforms between the 1870s and 1880s. Using genealogical, institutional, and historical and functional methods to study the history of education, the author explores the function and consequences of both the exclusion of modern literature from the school curriculum and its presence in some readers. As a result, curriculum classicisation after the 1871 reform and the preservation of the literary curriculum were less unambiguous than was considered previously. The ban on the study of literature written after 1842 and the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–312–20003.

** *Citation:* Vdovin, A. (2020). Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 85–101. DOI 10.15826/qr.2020.1.449.

Цитирование: Vdovin A. Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 85–101. DOI 10.15826/qr.2020.1.449 / Вдовин А. Современная русская литература в хрестоматиях 1843–1904 годов и литературный канон // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 85–101 DOI 10.15826/qr.2020.1.449.

concurrent significant expansion of texts from Old Russian literature led to a paradoxical and unpredictable sacralisation of the “Russian classics” and discredited many important texts in the eyes of the younger generation. The article demonstrates that in such a situation, educational readers played an important role, being a buffer zone between a strictly limited curriculum and modern literature that was prohibited in class. Quantitative and qualitative analysis of the content of the readers demonstrates that from 1860 to 1900, the share of texts by contemporary authors (i. e. those published 20–30 years before the publication of a reading book) increased from 4 to 35 %. Similarly, starting with 1861, the number of new readers on the educational market increased significantly. Qualitative analysis allows the author to identify the writers whose works were most frequently included in textbooks between the 1860s and 1890s. By the beginning of the 1900s, many fragments of frequently reproduced texts became canonical, were memorized, and, although they could not give a complete picture of the whole text, performed an important cultural function, attracting teenagers to modern texts and often still living authors. As a buffer zone between the official curriculum, the school historical and literary narrative, and the current literary process, readers thus made an important contribution to the canonisation of modern literature in Russian society in the 19th century, even in spite of the ministerial ban on its study.

Keywords: history of education in 19th-century Russia; literary canon; history of Russian literature; literary education; reading books.

Исследуются количественный и качественный статус и культурные функции современной литературы в 46 русских хрестоматиях 1843–1904 гг., предназначенных для гимназий и реальных училищ. Актуальность работы обусловлена устаревшим представлением о значении консервативных реформ Д. А. Толстого 1870–1880-х гг. («толстовского классицизма»). Используя генеалогический, институциональный и историко-функциональный методы изучения истории образования, автор исследует функцию и последствия как исключения современной литературы из школьной программы, так и ее присутствия в некоторых хрестоматиях. Феномен классикализации учебных планов после реформы 1871 г. и консервация программы по литературе оказываются не столь однозначными. Запрет на изучение литературы, созданной после 1842 г., и одновременно значительное расширение текстов древнерусской словесности парадоксальным образом привели к сакрализации русской классики и дискредитации многих программных текстов в глазах молодого поколения. В этой ситуации важную роль сыграли учебные хрестоматии – буферная зона между жестко ограниченной программой и современной литературой, какую не дозволялось обсуждать в классе. Количественный и качественный анализ содержания хрестоматий 1843–1904 гг. показал, что с 1860 к 1900 г. доля текстов авторов, опубликованных в течение 20–30 лет до выхода

хрестоматии, повысилась с 4 до 35 %. Равным образом с 1861 г. существенноросло число новых пособий на образовательном рынке. Качественный анализ выявляет авторов и тексты, наиболее часто включавшиеся в хрестоматии 1860–1890-х гг. Многие фрагменты часто воспроизводимых произведений к началу 1900-х стали каноническими, заучивались наизусть и, хотя и не могли дать полного представления о целом тексте, выполняли важную культурную функцию, привлекая подростков к современным им текстам и авторам. Оказываясь своего рода буферной зоной между официальной программой, школьным историко-литературным нарративом и актуальным литературным процессом, хрестоматии внесли важный вклад в канонизацию современной литературы в русском обществе XIX в. даже вопреки министерскому запрету ее изучать.

Ключевые слова: история образования в России XIX в.; литературный канон; история русской литературы; литературное образование; хрестоматии.

Реформы гимназического образования 1871 г., инициированные и проведенные министром народного просвещения графом Д. А. Толстым, на протяжении более ста лет трактовались исследователями самых разных политических убеждений как одна из самых консервативных страниц в истории российского образования [см.: SineI, p. VIII–IX]. С другой стороны, некоторые современные адепты классических гимназий, напротив, ностальгически описывают их расцвет в конце XIX в. и видят в них модель для современной российской школы [Любжин]. Равно дистанцируясь от апологетического или дискредитирующего подходов, предлагаемое исследование использует институциональный и генеалогический методы анализа, цель которых – объяснить, почему система сложилась именно такой и к каким последствиям это привело.

Преподавание словесности (составной части предмета «русский язык») с 1872 по 1905 г. исходило из ее консервации рамками 1842 г., и тексты, написанные после Гоголя, в программу изучения не попадали. Согласно выдвинутой нами гипотезе, целенаправленная архаизация изучения литературы в сочетании с деполитизацией техники анализа литературных произведений в «толстовской» гимназии, вопреки целям реформаторов, привела к существенной сакрализации отечественной словесности – превращению ее в объект культа [Vdovin, p. 134–135]. Задача статьи – выяснить, как современная русская литература от Гоголя до Льва Толстого и Достоевского проникала в гимназический обиход и тем самым повышалась в символической цене, заставляя гимназистов подпольно читать толстые журналы, романы и запрещенные публицистические, политэкономические и естественнонаучные работы западных интеллектуалов. Рассматривается феномен хрестоматии и книги для чтения, широчайшее распространение которых при-

шлось на 1860–1890-е гг., поскольку унифицированная и пополнявшаяся новыми учениками имперская школа остро нуждалась в пособиях [Стаферова, с. 330–341; Sinel, p. 172–176]. Уточним, что под современной, или «новейшей» литературой мы понимаем тексты авторов, опубликованные в интервале 30 лет до выбранной даты, но с некоторыми исторически сложившимся оговорками. Так, для периода с 1843 по 1871 г. современной литературой считалась словесность, созданная после «Мертвых душ» Гоголя, то есть с 1842 г. Для следующего большого периода с 1872 по 1890 г. (ограничен обновлявшимися программами) – с 1861 по 1890 г. Наконец, для периода с 1890 по 1905 г. – литература, созданная с 1871 по 1904 г. В итоге устаревание современной литературы напоминало «движущуюся границу», которая каждые десять лет оставляла позади и делала более каноничными уходящие в прошлое тексты.

Основной вопрос заключается в том, свидетельствует ли содержание хрестоматий, выпущенных в постпушкинскую и постгоголевскую эпоху и во времена «толстовского классицизма» (с 1843 по 1904 г.), о постепенном проникновении современных русских авторов в школьный обиход, или же министерство, контролируя и эту сферу, не допускало тексты целого ряда писателей (И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др.) в хрестоматию. Необходимо понять, насколько современная словесность хотя бы синекдохически, в виде отрывков из недавних произведений, могла быть знакома гимназистам и ученикам реальных училищ, а также сделать более широкие обобщения о едва приметном механизме пополнения литературного канона не только через официальную школьную программу и учебники, но и через фрагментарное и обрывочное («клиповое») чтение канонических отрывков.

Проблема перечитывания и реинтерпретации одних и тех же фрагментов известных текстов в школьной и университетской практике была поставлена Френком Кермоудом в 1970-е гг. [Kermode]. В 1990–2000-е гг. в англоязычном и немецкоязычном литературоведении и культурной истории сформировалось целое направление исследований литературных антологий (*Anthology Studies*), которые с тех пор рассматриваются не только как педагогический инструмент, но и как важнейший медиум для трансляции символических смыслов, моделей и образов, а в конечном счете и для программирования представлений о прошлом той или иной культуры [Korte; Mole, chap. 13–15]. Такой подход, обогащенный фундированным институциональным измерением (массовый и часто обязательный характер пользования хрестоматиями), дает возможность увидеть в хрестоматиях не просто быстро устаревающие пособия, но важный инструмент и канал перманентной трансляции культурных и эстетических ценностей в мир подростка.

Рынок хрестоматий и национализация образования

Возрастающая социокультурная роль хрестоматии наиболее ярко проявилась в художественной словесности, куда именование проникает в начале 1840-х гг. («Записки одного молодого человека» А. И. Герцена, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова), но все еще обозначает собрания образцовых сочинений преимущественно старых авторов. Лишь в начале 1860-х гг. упоминание этого жанра постепенно начинает отсылать читателя к самой известной русской литературной хрестоматии, к тому времени выдержавшей уже несколько переизданий, – «Русской хрестоматии» А. Д. Галахова (первое издание – 1843, последнее, 35-е – 1912¹). Так, например, В. С. Курочкин в пародийной «Рапсодии о нигилизме» (1863) упоминает фамилию Галахова, отсылающую к его «исторической хрестоматии по русской словесности»: «На священных скрижалях оной (истории. – А. В.) бесстрашный Галахов изобразит приводящие во ужас сердце кровопролитные войны для поучения воспитанников средних учебных заведений в новом издании своей хрестоматии» [Поэты искры, с. 164]. В романе В. П. Авенариуса «Бродящие силы. Поветрие» (1867) героиня Дуня Бреднева, устроившая народную библиотеку для просвещения простолюдинов, запаслась, помимо басен Крылова, хрестоматией Галахова [Авенариус, с. 186]. После школьных реформ 1860–1870-х гг. к 1880-м гг. хрестоматии настолько прочно врастают в школьный быт, что часто становятся не требующим пояснений знаком, по которому читатель может судить о характере и быте персонажей. Так, герой романа Вас. И. Немировича-Данченко «Сластеновские миллионы» (1893) восклицает: «О, дружба... это – ты! Помилуйте, Боголюб Боголюбович, во всех хрестоматиях... О, дружба – это ты!» – апеллируя к тому факту, что стихотворение В. А. Жуковского известно любому школьнику благодаря тиражированию через хрестоматии [Немирович-Данченко, с. 267]. Таким образом, из факультативного пособия по изучению языка образцовых, преимущественно древних авторов хрестоматия к 1880-м гг. превращается в символ современной системы литературного образования, основной технологией развития личности в которой становится эстетический и исторический анализ текстов национальной литературы, а целью – социализация и индоктринация будущего гражданина нации (см. об этом: [Hunter, p. 3–4; Guillory]).

Это не могло бы случиться без резкого расширения книжного рынка хрестоматий, государственного заказа (министерского и на уровне учебных округов), а также частной инициативы. Из полученных нами данных следует, что за одно десятилетие с 1861 по 1871 г. вышло в два раза больше новых хрестоматий и книг для чтения, чем за предшествующие 17 лет, поскольку требовалось удовлетворять все возрастающие потребности образовательного рынка, покрывшего огромную часть крестьянского населения (такие книги составляли от 55 до 65 % всех учебных пособий) (табл. 1).

¹ Об истории хрестоматии Галахова см.: [Вдовин, Лейбов, с. 13–18].

Таблица 1

**Издание новых хрестоматий по периодам развития
школьного образования, 1843–1904 [Вдовин, с. 302–309]**

Период	1843–1860	1861–1871	1872–1890	1891–1904
Число изданий новых хрестоматий (всего, ед.)	9	18	27	17

Министерские программы 1872 и 1890 гг.

Новая программа, составленная по заказу Д. А. Толстого [Sinel, p. 168–170], опиралась не предшествующую практику – в первую очередь программу 1852 г., разработанную А. Д. Галаховым при участии Ф. И. Буслаева. Они попытались как зафиксировать уже бытовавшие в хрестоматиях тексты, так и включить новые (например, «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова). Ядро составляли тексты конца XVIII – начала XIX в., Карамзин и Пушкин, древнерусская словесность фигурировала лишь фрагментарно (как материал для изучения древнерусского языка и в специальном классе, к тому же она еще только начала осознаваться как полноценная часть русской словесности). В середине 1860-х гг. министерство делегировало педагогическим советам самим корректировать программу 1852 г., поэтому школьники, судя по различным источникам, могли читать и новейшую литературу – от «Героя нашего времени» до статей Добролюбова. Так, А. И. Георгиевский – «правая рука» Д. А. Толстого – сокрушался, что свобода 1860-х гг. приводила к тому, что попечитель одного из южных учебных округов сам рекомендовал учителям держать наготове критические статьи не только Белинского, но Писарева и Добролюбова [Георгиевский, с. 37]. Известный педагог К. Петров и многие другие делегаты учительских окружных съездов 1865–1866 гг. выступали за масштабное пополнение списков для чтения современной литературой (произведениями Тургенева, Гончарова, Достоевского) [Петров, с. 175].

Обсуждение программы по словесности приняло новое направление после вступления в должность Д. А. Толстого и начала его политики «классикализации» гимназического образования. В результате толстовская программа по русскому языку и словесности 1872 г. впервые включила несколько важных произведений древнерусской прозы разных жанров (былина об Илье Муромце, отрывки из «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве» и «Истории Ивана Грозного» И. Курбского), литературу классицизма (сатиры А. Кантемира, оды М. Ломоносова и Г. Державина, «Недоросля» Д. Фонвизина), отрывки из «Пи-

сем русского путешественника» и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, баллады В. А. Жуковского, басни И. А. Крылова, лирику, драмы, «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Послепушкинская литература оказалась представлена лишь «Старосветскими помещиками», «Тарасом Бульбой», «Мертвыми душами» и «Ревизором» Гоголя и «Песней о купце Калашникове», «Мцыри» и несколькими стихотворениями Лермонтова [Учебные планы предметов, с. 76–83]. Таким образом, новая программа на 30 лет «заморозила» изучение литературы в пределах пушкинско-гоголевской эпохи.

Программа 1872 г., впрочем, предусматривала опору на одобренные министерством хрестоматии. В списке текстов Лермонтова говорилось: «несколько лирических стихотворений (из тех, которые обыкновенно помещаются в хрестоматиях)» [Там же, с. 82]. Особое примечание в пояснительной записке предполагало, что учитель гимназии в идеале должен дать ученикам два типа обзора – истории русской литературы «по родам и видам» и фактологический, то есть характеристику творчества крупных писателей [Там же, с. 83]. При этом программа жестко предписывала исключить из гимназических занятий «разборы всякого другого вида и направления, известные под именем критики эстетической или художественной, социальной и т. п., так как ее место в университете, а не в среднем учебном заведении» [Там же, с. 74].

Это был наиболее консервативный момент в истории русских школьных стандартов. С тех пор в скорректированной программе 1877 г. и в обновленной, уже «деляновской» программе 1890 г. (министерство пошло на уступки под давлением разных общественных сил, в первую очередь педагогических советов и представителей академического мира) допетровская словесность существенно расширилась текстами XV–XVII вв. Новый период русской литературы обогатился «Бедной Лизой» Карамзина, стихотворениями Батюшкова, «Капитанской дочкой» Пушкина, ранее не публиковавшимися в учебной литературе стихотворениями Лермонтова и его «Героем нашего времени» (главами «Бэла» и «Максим Максимыч»), а также стихотворениями А. В. Кольцова [Учебные планы и примерные программы, с. 35–36]. Установка и задачи программы 1890 г. в той же степени исключали обращение к современной литературе и любым актуальным формам ее критического анализа. Соответственно, и одобренные ученым комитетом министерства учебные пособия (например, «История русской словесности» Галахова для средних учебных заведений, 1868) заканчивались Пушкиным и Гоголем. Таким образом, новейшая литература 1840–1870-х гг. могла проникнуть в круг чтения гимназистов и реалистов лишь тремя способами – через первичное знакомство с отрывками в хрестоматиях и книгах для чтения, со слов учителя (если он выходил за пределы программы) или благодаря самостоятельному/внеклассному/домашнему чтению. В отличие от неплохо изученного в советское время внепрограммного чтения [Житомирова],

современная литература, официально впущенная в школу через хрестоматии, никогда специально не изучалась, но может многое сказать как о потенциальном круге чтения гимназистов, так и о складывавшемся в те годы каноне новейшей русской литературы 1840–1870-х гг.

Литература 1840–1890-х гг. в хрестоматиях

Чтобы проверить гипотезу о постепенном пополнении хрестоматий современными авторами и текстами, мы разделили исследуемый период 1843–1904 гг. на четыре промежутка, по каждому из которых была сделана выборка из составленной нами базы данных [База данных]. Ниже представлена выборка из хрестоматий для гимназий и реальных училищ, изданных с 1843 по 1904 г., по периодам, исторически маркированным введением новых образовательных стандартов и программ (1843 – публикация «Русской хрестоматии» Галахова; 1861 – отмена крепостного права и начало публичного обсуждения новой программы по словесности; 1872 – новая программа Д. А. Толстого; 1890 – обновление программы при министре Делянове) (табл. 2).

Таблица 2

Число вхождений авторов «новейшей литературы» в хрестоматии и книги для чтения по периодам [База данных]²

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период и процент текстов современных авторов от общего числа текстов в хрестоматиях				Итого
		1843–1860 (4 %)	1861–1871 (18 %)	1872–1890 (22 %)	1891–1904 (35 %)	
1	А. Н. Майков (1897)	33	35	37	43	148
2	Л. Н. Толстой (1910)	–	4	41	46	91
3	И. С. Тургенев (1883)	–	11	47	32	90
4	Н. А. Некрасов (1877)	1	12	23	42	78
5	Ф. И. Тютчев (1873)	3	16	26	30	75
6	А. К. Толстой (1875)	3	6	39	20	68
7	И. С. Никитин (1861)	4	9	33	20	66
8	А. А. Фет (1892)	9	18	26	12	65
9	И. А. Гончаров (1891)	–	6	41	14	61
10	С. Т. Аксаков (1859)	–	5	15	40	60
11	А. Н. Плещеев (1893)	2	8	13	17	40
12	Я. П. Полонский (1898)	4	15	1	16	36
13	Н. П. Огарев (1877)	7	18	4	–	29
14	В. И. Даль (1872)	4	3	10	10	27
15	Л. А. Мей (1862)	2	6	12	4	24

² Под «вхождением» понимается единичная публикация одного текста/фрагмента в учебной хрестоматии или книге для чтения. Ранжировано по частотности (общее число вхождений – 15 и более).

Окончание табл. 2

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период и процент текстов современных авторов от общего числа текстов в хрестоматиях				
		1843–1860 (4 %)	1861–1871 (18 %)	1872–1890 (22 %)	1891–1904 (35 %)	Итого
16	Д. В. Григорович (1899)	–	3	9	6	18
17	Ф. М. Достоевский (1881)	–	2	1	14	17
18	И. С. Аксаков (1886)	–	3	10	3	16
19	А. Печерский (Мельников) (1883)	–	1	10	4	15

Из приведенных данных видно, что в первый период с 1843 по 1860 г. из-за отсутствия единой стандартизированной программы хрестоматий выходило мало, и они репрезентировали в основном некоторых авторов современной поэзии (Майкова, Огарева, Фета, Мея и др.).

Ситуация меняется с 1861 г., когда в хрестоматии попали произведения многих новых пишущих авторов. Однако в 1870–1890-е гг. их судьба складывалась по-разному: можно говорить о двух траекториях – «вымирании» текстов и их авторов, не переживших десяти лет и переизданий, и выживании и канонизации через школьный обиход. К первой группе единожды попавших в хрестоматии современных авторов можно отнести П. В. Анненкова, В. Г. Белинского, В. П. Боткина, А. М. Жемчужникова, Н. С. Кохановскую, Н. П. Огарева, А. Ф. Писемского, А. Ф. Погосского, М. П. Розенгейма, Н. Ф. Щербину. Хорошо известно, что некоторые из них (Белинский, Огарев) выпали из обихода по политическим причинам, поскольку до 1905 г. их тексты были запрещены в школе. В основном же в этом списке оказались поэты и прозаики второго и даже третьего ряда, которые, пережив кратковременный успех в критике и у читателя, сходили со сцены и не закреплялись в большом культурном каноне.

Более многочисленна группа постепенно канонизировавшихся авторов, частотность включения в хрестоматии которых с годами лишь росла (см. табл. 2, № 1–12). Но и эта группа далеко не однородна, внутри нее отчетливо выделяются девять авторов (№ 1–9), наиболее часто фигурировавших в хрестоматиях (с 20 и более вхождениями). Как видно, только двое из них (С. Т. Аксаков и Ф. И. Тютчев) относятся к более старшему поколению литераторов, рожденных в 1790–1800-е гг., рано вступивших в литературу, но в 1850-е гг. продолжавших публиковаться. Остальные писатели вступили в литературу в 1840-х – начале 1850-х гг. и достигли признания в критике и места в синхронной литературной иерархии в 1860–1870-е гг., когда за многими из них закрепилась репутация ведущих прозаиков (И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой) и поэтов (А. А. Фет, А. Н. Майков, А. К. Толстой).

Таким образом, если до 1860 г. в хрестоматиях содержалось всего 4 % текстов современных авторов, то в первое пореформенное десяти-

летие 1861–1871 их процент вырос до 18, затем в годы «толстовского классицизма» до 22, и в последнюю декаду до реформы 1905 г. до 35. Остальной процент составляли тексты XVIII в. и русской литературы 1800–1842 гг. Процесс неуклонного роста доли текстов современных авторов в гимназических хрестоматиях, вопреки политике министерства, может объясняться естественной ориентацией составителей хрестоматий на образцы более современного литературного языка, в первую очередь в прозе и ее ключевых реалистических жанрах – повести и романе, расцвет которых пришелся как раз на 1850–1870-е гг. Отсюда – возрастающее число авторов-романистов (Тургенев, Гончаров, Толстой, Григорович и др.). Кроме того, составители, разумеется, учитывали возрастные особенности учащихся: в бурно развивающейся в 1860–1870-е гг. демократической педагогике (К. Д. Ушинский, В. Я. Стоюнин, В. В. Водовозов) наиболее подходящими для решения воспитательных задач считались современные прозаические жанры.

Иной срез и иной взгляд на распространение текстов современных авторов дает подсчет включения каждого из них в новые хрестоматии. Ниже они отсортированы по числу новоизданных хрестоматий, в каких перепечатывались их тексты (табл. 2). Как видно, первая дюжина авторов перепечатывалась в 40–60 % всех хрестоматий для гимназий и реальных училищ (всего в нашей выборке за 1846–1904 гг. их 46): это семь поэтов (Майков, Некрасов, А. К. Толстой, Никитин, Тютчев, Фет и Мей) и пять прозаиков (Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Аксаков и Григорович)³. Именно с этой группой современных авторов школьник мог чаще всего познакомиться, пролистывая хрестоматии, вышедшие начиная с 1861 г. Их тексты включались как в наиболее известные, переиздаваемые и рекомендованные министерством пособия за авторством А. Д. Галахова, А. Г. Филонова, П. Н. Полевого, так и в менее популярные книги, какие составляли до 50 % рынка хрестоматий.

Таблица 3

Новые хрестоматии с отрывками из текстов современных авторов

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период				Итого
		1843–1860	1861–1871	1872–1890	1891–1904	
1	А. Н. Майков (1897)	5	3	12	7	27
2	И. С. Тургенев (1883)	–	5	14	5	24
3	И. А. Гончаров (1891)	–	5	13	5	23
4	Н. А. Некрасов (1877)	1	2	11	6	20
5	А. К. Толстой (1875)	2	4	10	4	20
6	Л. Н. Толстой (1910)	–	3	11	6	20
7	И. С. Никитин (1861)	1	2	10	5	18
8	Ф. И. Тютчев (1873)	2	2	6	6	16
9	А. А. Фет (1892)	2	2	7	3	14

³ Полный список хрестоматий, вошедших в нашу базу, см.: [Вдовин, с. 302–309].

Окончание табл. 3

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период				Итого
		1843–1860	1861–1871	1872–1890	1891–1904	
10	Д. В. Григорович (1899)	–	3	7	3	13
11	С. Т. Аксаков (1859)	–	2	7	3	12
12	Л. А. Мей (1862)	1	2	7	2	12
13	В. И. Даль (1872)	1	3	4	2	10
14	А. Н. Плещеев (1893)	1	1	5	3	10
15	Я. П. Полонский (1898)	3	2	1	4	10

Соотнесение данных, приведенных в таблицах 2 и 3, то есть наложение численности текстовых фрагментов и числа хрестоматий, в которых они публиковались, показывает почти полное совпадение списка одних и тех же писателей (топ 9): А. Н. Майков, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, И. С. Никитин, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, С. Т. Аксаков, Д. В. Григорович и А. Н. Плещеев образуют переходную зону от наиболее популярных хрестоматийных авторов к менее популярным. Сопоставив абсолютную частотность попадания различных авторов в хрестоматии с частотностью их включения в как можно большее число пособий, мы получаем список современных русских писателей 1850–1880-х гг., с которыми гимназисты и «реалисты» чаще всего могли столкнуться.

Формы циркуляции: частотные фрагменты

Теперь возникает вопрос, какие именно тексты указанных авторов наиболее часто попадали в хрестоматии 1850–1890-х гг. Ниже приведен рейтинг наиболее часто перепечатаваемых текстов или их фрагментов (табл. 4). Из него следует, что поэтические и прозаические тексты оказывались представленными в хрестоматиях по-разному. Если поэтический текст (любые короткие жанры, кроме поэмы или романа в стихах) представал в полном виде, большие прозаические жанры (роман, повесть, рассказ) и в силу объема, и в силу действия авторского права не могли попасть на страницы пособий целиком. Размер отрывка, его статус, расположение и форма подачи зависели от класса или возрастных особенностей учащихся. В хрестоматиях для младших классов гимназий и училищ фрагменты часто печатались без указания названия произведений, но с упоминанием автора. В пособиях же для старших классов, как, например, в хрестоматиях Галахова или Филонова, обязательно было указано произведение автора, а затем следовали его фрагменты (часто несколько) или же рассказ целиком (например, «Бежин луг» Тургенева). Этим объясняется, что в одной хрестоматии можно было встретить по несколько фрагментов из романа, скажем, Гончарова «Обломов» или повести Л. Н. Толстого «Детство», и, соответственно, прозаические

произведения по частотности опережают поэтические. Первые четыре позиций в таблице занимают рассказы, травелоги и романы Гончарова, С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого. Пользуясь удачным определением Ф. Кермоуда, можно считать эти наиболее частотные отрывки если не «сакральными фрагментами», то по крайней мере ультраканоническими для культуры второй половины XIX в. сегментами известных текстов, поскольку их циркуляция, использование в диктантах при обучении русскому языку, а также заучивание наизусть приводили к прочному закреплению этих единиц в личной, коллективной и – шире – культурной памяти нескольких поколений школьников Российской империи [Kermode, p. 180].

Таблица 4

Наиболее частотные тексты/фрагменты современных авторов в хрестоматиях (1843–1904)

№ п/п	Автор	Текст/фрагмент	Число (ед).
1	И. А. Гончаров	«Фрегат Паллада» («Смерч»)	34
2	С. Т. Аксаков	«Записки ружейного охотника» («Воды», «Лес»)	20
3	Л. Н. Толстой	«Детство» («Классная комната»)	19
4	И. А. Гончаров	«Обломов» («Детство Обломова», «Комната»)	17
5	И. С. Аксаков	«Бродяга» («Жар свалил...»)	16
6	И. С. Тургенев	«Бежин луг»	14
7	Л. Н. Толстой	«Война и мир» («В гостях у дядюшки»)	11
8	С. В. Максимов	«Год на Севере» («Белое море»)	10
9	И. С. Тургенев	«Лес и степь»	9
10	А. Н. Майков	«Вхожу с смущением в забытые палаты...»	8
11	А. Н. Майков	«Искусство»	8
12	А. Н. Майков	«Кто он?»	8
13	Л. Н. Толстой	«Отрочество» («Гроза»)	8
14	А. А. Фет	«Печальная береза»	8
15	В. П. Боткин	«Письма об Испании»	8
16	Н. А. Некрасов	«Внимая ужасам войны...»	7
17	А. К. Толстой	«Малороссия»	7
18	Д. В. Григорович	«Рыбаки» («Берег Оки»)	7
19	Ф. М. Достоевский	«Записки из Мертвого дома» («Гнедко»)	7
20	А. Н. Майков	«Картина вечера»	6
21	А. Н. Майков	«Нива»	6
22	Н. А. Некрасов	«Влас»	6
23	Н. А. Некрасов	«Мороз Красный нос»	6
24	Ф. И. Тютчев	«Есть в осени первоначальной...»	6

Окончание табл. 4

№ п/п	Автор	Текст/фрагмент	Число (ед).
25	А. А. Фет	«Рыбка»	6
26	И. С. Тургенев	«Касьян с Красивой Мечи» («Полдень в роще»)	5
27	Н. А. Некрасов	«Несжатая полоса»	5
28	Н. А. Некрасов	«Школьник»	5
29	А. К. Толстой	«Василий Шибанов»	5
30	И. С. Никитин	«Вырыта заступом яма глубокая...»	5
31	И. С. Никитин	«Русь»	5
32	Ф. И. Тютчев	«Весенние воды»	5
33	Ф. И. Тютчев	«Весенняя гроза»	5
34	Я. П. Полонский	«Вечер»	5
35	Н. П. Огарев	«Деревенский сторож»	5
36	Н. П. Огарев	«Изба»	5

Следует обратить внимание на характер представленного в хрестоматии текста. Фрагмент как часть целого отсылает к полному тексту, приглашая читателя познакомиться с ним от начала и до конца. В школьном обиходе встречались разные типы фрагментов, в зависимости от уровня обучения и типа пособия. Чем ниже был уровень, тем чаще фрагмент выбирался для грамматического разбора или иллюстрации какого-либо типа речи (описание, рассуждение, повествование). В таких случаях отрывок мог быть сюжетно никак не связан с основной линией повествования романа или рассказа, как, например, пейзажные отрывки из «Записок ружейного охотника» Аксакова или «Фрегата “Паллада”» Гончарова или описание грозы из «Отрочества» Толстого, не говоря уже о романах Григоровича, который, как можно судить, был главным поставщиком пейзажных описаний для хрестоматий XIX в. Чем старше оказывался адресат пособия, тем чаще отрывок был связан с каким-либо ярким эпизодом произведения: так произошло, например, с романом «Война и мир» Толстого, из которого чаще всего попадали в хрестоматии эпизоды гощения Наташи у дядюшки, вступления французской армии в Москву, молебна перед Смоленской иконой. Однако совершенно очевидно, что эти эпизоды мало связаны с судьбами главных героев романа. Точно так же из романа «Обломов» перепечатывались лишь описательные фрагменты о воспитании Илюши и Штольца или отрывки из сна Обломова. В этом смысле хрестоматии не давали школьникам представления о субъектах повествования и их психологической жизни. Иными словами, самая сущность романного повествования – судьба человеческой личности в социуме и истории – оказывалась вытесненной из школьного обихода, а представление о главных романах русской литературы – размытым и нечетким. Нужно ли говорить, что

такой эффект хорошо сочетался с целью министерства не допустить в школу современную литературу в лице ее главного жанра – романа, проблематизирующего общественную жизнь и современность.

Культурная функция

Итак, выросший в России в 1860–1890-е гг. рынок хрестоматий и книг для чтения выполнял сразу несколько взаимосвязанных функций, подчас конфликтовавших между собой. С одной стороны, к 1890-м гг., в самый консервативный период «толстовского классицизма», доля текстов современных авторов 1850–1880-х гг. в хрестоматиях достигла 35 %, то есть трети от всех текстов, что немало. При этом разрыв между датой публикации текста и актуальным моментом вхождения в пособие обычно составлял 20–30 лет. Случаи, когда гимназические хрестоматии после 1871 г. включали бы совсем недавно опубликованный текст, единичны (например, тексты В. М. Гаршина или Ф. М. Достоевского). Тем не менее, будучи основанием пирамидальной структуры любого школьного канона, согласно М. Гини [Guiney, p. 102], хрестоматийные тексты репрезентировали небольшую, но уже проверенную временем часть современной и недавней словесности, пусть и не передовой ее край, но корпус текстов, относительно которых у разных акторов литературного поля (издателей, критиков, педагогов, университетских профессоров) уже сложился хотя бы какой-то консенсус, в итоге определявший попадание того или текста в хрестоматию. Важнейшим его результатом оказывался двойной эффект: авторский текст повышал свою каноничность благодаря вхождению (пусть и фрагментарно) в хрестоматию, а школьник получал к нему доступ сверх официальной программы. Полуофициальный статус таких текстов делал их серой зоной – пространством повышенной неопределенности, где как учителя, так и их воспитанники могли экспериментировать (читать; обсуждать; не читать; не обсуждать; обсуждать, не читая; прочесть, но так и не узнать источник; прочесть и найти полный текст и т. д.).

С другой стороны, в том виде, в каком современные романы и повести представляли в хрестоматиях, они давали школьникам лишь ограниченный доступ к современности, поскольку редуцировали содержание текстов до нескольких эпизодов, из которых было практически невозможно составить впечатление об истинном содержании и проблематике (ср. выше случай «Войны и мира» или иной пример – отрывок «Наступление весны» из «Анны Карениной»). Однако это обстоятельство могло иметь непредсказуемые последствия: фрагмент мог разжигать интерес ребенка к автору и тексту благодаря интригующим именам персонажей или своеобразию авторской манеры. В качестве примера сошлемся на два показательных случая, число которых явно можно умножить. Математик С. В. Ковалевская так вспоминала о роли, какую хрестоматия Филонова сыграла в ее знакомстве с русской классикой (середина 1860-х гг.):

Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии. В доме у нас никто особенно этою отраслью литературы не интересовался, и хотя у нас была довольно большая библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было. Я никак не могла дожидаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова, купленная по настояниям нашего учителя. Это было настоящим откровением для меня. В течение нескольких дней спустя я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из «Мцыри» или из «Кавказского пленника», пока гувернантка не пригрозила, что отнимет у меня драгоценную книгу [Ковалевская, с. 31].

В отличие от Ковалевской, известный писатель Е. Л. Шварц перед поступлением в реальное училище читал в хрестоматиях отрывки из «Детства», «Отрочества» и «Кавказского пленника» Толстого, «Сон Обломова» из романа Гончарова, «Несжатую полосу» Некрасова [Шварц, с. 78–79]. Оба примера показывают, что хрестоматия служила важнейшим каналом знакомства с классической и современной литературой еще в дошкольном возрасте, поскольку была доступна малообеспеченным семьям. Купить хрестоматию было выгоднее во всех смыслах: за невысокую плату ребенок ознакомился с корпусом канонических и отобранных современных текстов, поэтических – полностью, а прозаических и драматических – в отрывках. Фрагмент, следовательно, мог становиться катализатором в поиске искомой книги в школьной или домашней библиотеке, статьи о ней в толстом журнале или среди сверстников и в кружках. Оказываясь той самой буферной зоной между официальной программой, школьным историко-литературным нарративом и запрещенной литературой, хрестоматии, таким образом, медленно и подчас незримо вносили свой скромный вклад в сакрализацию современной литературы в русском обществе XIX в. даже вопреки министерскому запрету ее изучать.

Список литературы

Авенариус В. П. Бродящие силы. Две повести : в 2 ч. Berlin : V. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1874. Ч. 2. Поветрие. 255 с.

База данных по русским хрестоматиям и книгам для чтения // Русский литературный канон. Материалы и таблицы : [сайт]. URL: <http://ruthenia.ru/canon/> (дата обращения: 02.06.2019).

Вдовин А. Приложение 1. Список хрестоматий и книг для чтения, изданных на территории Российской империи и вошедших в базу данных «Русская литература в школе (1805–1912)» // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту : Тартус. ун-т, 2013. С. 302–309.

Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту : Тартус.

ун-т, 2013. С. 7–34.

Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб. : Сенат. тип., 1902. 202 с.

Житомирская Н. Н. Читательские запросы и круг чтения учащихся средней школы предреволюционной России XIX и начала XX века // История русского читателя. Л. : Лен. гос. ин-т культуры, 1976. Вып. 2. С. 67–82.

Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М. ; Л. : Наука, 1974. 559 с.

Любжин А. И. История русской школы : в 2 т. М. : Ника, 2014–2017. Т. 2. Кн. 2. 948 с. Кн. 3. 955 с.

Немирович-Данченко В. И. Сластеновские миллионы. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1893. 319 с.

Петров К. Практический взгляд на программу русского языка и словесности // Журн. Министерства народного просвещения. 1862. Т. 113. № 2. Отд. 1. С. 168–190.

Поэты «Искры» : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1987. Т. 1. 383 с.

Стаферова Е. Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х годов). М. : Канон+, 2007. 512 с.

Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1890. 208 с.

Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях Министерства народного просвещения // Журн. М-ва народного просвещения. 1872. Т. 162. № 7. С. 35–161.

Шварц Е. Л. Мемуары. Париж : La Presse Libre, 1982. 248 с.

Guillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1993. 408 p.

Guiney M. M. Teaching the Cult of Literature in the French Third Republic. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. 268 p.

Hunter I. Culture and Government. The Emergence of Literary Education. London : Palgrave Macmillan, 1988. 317 p.

Kermode F. Shakespeare, Spenser, Donne. London : Routledge : Kegan Paul, 1971. 316 p.

Korte B. Flowers for the Picking: Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies // Anthologies of British Poetry : Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies / ed. by B. Korte, R. Schneider and S. Lethbridge. Amsterdam : Rodopi, 2000. P. 1–32.

Mole T. What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History. Princeton : Princeton Univ. Press, 2017. 317 p.

Sinel A. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoy. Cambridge ; MA : Harvard Univ. Press, 1973. 358 p.

Vdovin A. “Dmitry Tolstoy’s Classicism” and The Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum // *Ab Imperio*. 2017. № 4. P. 108–137. DOI 10.1353/imp.2017.0078.

References

Avenarius, V. P. (1874). *Brodyashchie sily. Dve povesti v 2 ch.* [Roaming Forces. Two Tales. 2 Parts]. Berlin, B. Behr’s Buchhandlung (E. Bock). Part 2. Povetrie. 255 p.

Baza dannykh po russkim khrestomatiyam i knigam dlya chteniya [Database of Russian Readers]. In *Russkii literaturnyi kanon. Materialy i tablitsy* [website]. URL: <http://ruthenia.ru/canon/> (mode of access: 02.06.2019).

Georgievskii, A. I. (1902). *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [On the History of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 202 p.

Guillory, J. (1993). *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 408 p.

Guiney, M. M. (2004). *Teaching the Cult of Literature in the French Third Republic*. N. Y., Palgrave Macmillan. 268 p.

Hunter, I. (1988). *Culture and Government. The Emergence of Literary Education*. L., Palgrave Macmillan. 317 p.

- Kermode, F. (1971). *Shakespeare, Spenser, Donne*. L., Routledge, Kegan Paul. 316 p.
- Korte, B. (2000). Flowers for the Picking: Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies. In Korte, B., Schneider, R., Lethbridge, S. (Eds.). *Anthologies of British Poetry: Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies*. Amsterdam, Rodopi, pp. 1–32.
- Kovalevskaya, S. V. (1974). *Vospominaniya. Povesti* [Memoirs. Stories]. Moscow, Leningrad, Nauka. 559 p.
- Lyubzhin, A. I. (2014–2017). *Istoriya russkoi shkoly v 2 t.* [A History of Russian School. 2 Vols.]. Moscow, Nikeya. Vol. 2. Book 2. 948 p. Book 3. 955 p.
- Mole, T. (2017). *What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History*. Princeton, Princeton Univ. Press. 317 p.
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1893). *Slastenovskie milliony* [Slastenov's Millions]. Moscow, Tipografiya I. D. Sytina. 319 p.
- Petrov, K. (1862). Prakticheskiy vzglyad na programmu russkogo yazyka i slovesnosti [A Practical View of the Russian Language and Literature Curriculum]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. 113. No. 2. Section 1, pp. 168–190.
- Poety "Iskry" v 2 t.* [Poets of Iskra. 2 Vols.]. (1987). Leningrad, Sovetskii pisatel'. Vol. 1. 383 p.
- Shvarts, E. L. (1982). *Memurya* [Memoirs]. Paris, La Presse Libre. 248 p.
- Sinel, A. (1973). *The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 358 p.
- Staferova, E. L. (2007). *A. V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860-kh godov)* [A. V. Golovnin and the Liberal Reforms in Education (First Half of the 1860s)]. Moscow, Kanon+. 512 p.
- Uchebnye plany i primernye programmy predmetov, prepodavaemykh v muzhskikh gimnaziyakh i progimnaziyakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Curricula and Provisional Syllabi of Courses Delivered in High Schools of the Ministry of Public Education]. (1890). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 208 p.
- Uchebnye plany predmetov, prepodavaemykh v muzhskikh gimnaziyakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Curricula of High Schools of the Ministry of Public Education]. (1872). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. 162. No. 7, pp. 35–161.
- Vdovin, A. (2013). Prilozhenie 1. Spisok khrestomatii i knig dlya chteniya, izdannykh na territorii Rossiiskoi imperii i voshedshikh v bazu dannykh "Russkaya literatura v shkole (1805–1912)" [Appendix 1. A List of Readers Published in the Russian Empire and Included in the Database "Russian Literature at School (1805–1912)"]. In Vdovin, A., Leibov, R. (Eds). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu, Tartuskii universitet, pp. 302–309.
- Vdovin, A. (2017). "Dmitry Tolstoy's Classicism" and the Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum. In *Ab Imperio*. No. 4, pp. 108–137. DOI 10.1353/imp.2017.0078.
- Vdovin, A., Leibov, R. (2013). Khrestomatiinye teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya [Anthologised Texts: Russian Poetry and School Practices of the 19th Century]. In Vdovin, A., Leibov, R. (Eds). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu, Tartuskii universitet, pp. 7–34.
- Zhitomirova, N. N. (1976). Chitatel'skie zaprosy i krug chteniya uchashchikhsya srednei shkoly predevolyutsionnoi Rossii XIX i nachala XX veka [Reading Inquiries and Circle of Reading of Russian Pupils in the 19th and Early 20th Centuries]. In *Istoriya russkogo chitatelya*. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi institut kul'tury. Iss. 2, pp. 67–82.